

УДК 94 (47).07

**УНИВЕРСИТЕТ VS МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ:
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЦЕНзуРА ДИССЕРТАЦИЙ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА**

© 2016 г.

*Р.Х. Галиуллина¹, К.А. Ильина²*¹Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

glukist@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2016

Рассматриваются вопросы взаимодействия Министерства народного просвещения и университетов в России в области оценки диссертаций в эпоху «цензурного террора». Авторы проанализировали и сопоставили законодательные акты, делопроизводственные документы архивов Министерства народного просвещения, университетов и канцелярий попечителей учебных округов Москвы и Казани, Московского цензурного комитета. Проведенным исследованием была реконструирована практика экспертизы университетской научной продукции и выявлены причины поворота в цензурной политике в отношении диссертаций в конце 1840-х – начале 1850-х годов.

Ключевые слова: Россия, Министерство народного просвещения, Московский университет, диссертация, цензура, академическая экспертиза, профессор.

Профессор по кафедре русской словесности Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко записал в своем дневнике 1 декабря 1848 года: «Я присутствовал в заседании совета [университета], в котором, между прочим, было читано предписание министра, чтобы ничто не печаталось от имени университета, что не сам университет издает. Да это же и не делалось! <...> Между тем некоторые члены предложили вопрос: имеет ли право университет разрешать диссертации на ученую степень, что до сих пор он делал, придерживаясь смысла устава, и что принадлежит ему по праву. Ибо кто же будет цензурировать специальные сочинения, как не университет? Да притом разве университет не официальное место, и если ему не верить в этом, то как же верить в лекциях, где гораздо легче внушать мысли «опасные»? Некоторые члены, однако, порешили обратить это в вопрос и представить на разрешение министра. Я восстал против этого: самое сомнение в праве университета печатать самостоятельно диссертации обнаруживало преувеличенный страх, или, вернее, трусость, и совершенно ненужное уничтожение, которое могло вредно на нем отразиться» [1].

Как строился процесс экспертизы и допуска диссертации к защите в университете в 1840–1850-е годы? Чем он отличался от цензуры научных и литературных изданий? Каким образом менялось распределение сил между университетской экспертизой и гражданской цензурой в отношении написанных членами академиче-

ской корпорации текстов? Чем было спровоцировано недоверие министерства народного просвещения университетам и почему профессора решились передать цензурные полномочия министерству? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Вторая четверть XIX века в России отмечена исследователями наличием двух противоречивых процессов: с одной стороны, наблюдался подъем русского искусства, литературы и образования [2–12], а с другой – вслед за появлением и распространением революционных идей в России, а также в связи с революционными событиями в Европе стало ощущаться ужесточение цензурной политики [13–20]. «Чугунный» устав о цензуре 1826 года, устав о цензуре 1828 года, учреждение 2 апреля 1848 года «буртурлинского комитета», призванного наблюдать за «духом и направлением» печатной продукции – вот те звенья цензурной политики, которые были направлены на создание фильтров от воздействия «вредных» идей. Вместе с тем наряду с политическим заказом система цензуры ставила перед собой иные утилитарные задачи: распространение грамотности, «полезной» информации, стимулирование интереса к научным знаниям, привитие литературного вкуса. Сфера контроля над печатным словом становилась разнообразной, его тотальный характер имел следствием выделение из общегражданской цензуры военной, внутренних дел, медицинской, других. Ужесточение и профессионализацию цензуры отметил в своем дневнике и

Никитенко, насчитав весной 1850 года двенадцать цензурных ведомств [1].

Об издании университетской научной продукции

Во второй половине 1840-х – начале 1850-х годов правила издания, экспертизы и цензуры научных трудов профессоров, адъюнктов и студентов были регламентированы Уставом о цензуре от 22 апреля 1828 года [21], Общим университетским уставом 1835 года [22], а также Положением о присуждении ученых степеней от 6 апреля 1844 года [23].

Параграф 1 Устава о цензуре 1828 года устанавливал главную «обязанность» цензуры – «рассмотрение произведений словесности, наук и искусств, назначаемых к изданию в свет внутри государства» [21, с. 460]. Цензура должна была отличать «благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрований, равно противных истинной Вере и истинному любу мудрию» [21, с. 461] (§ 8). «Акты, речи, рассуждения, программы, отчеты и другие сочинения, издающиеся от имени Академии и Университетов, а не от лица кого-либо из их членов, печатаются под надзором и ответственностью оных» [21, с. 463] были исключены из компетенции цензурных комитетов (п. 5 § 23). Тем самым верховная власть признавала академическую привилегию университетов – право обнародования результатов интеллектуальной деятельности. Привилегия давалась под условие ответственности университета за пропуск «неблагонамеренных суждений».

Ученое сословие могло принять решение о публикации сочинения, если его содержание соответствовало установленным требованиям и если это соответствие было установлено в ходе обсуждения на совете факультета или совете университета или в порядке рецензирования. Ко всему прочему члены академической корпорации, как и другие свободные лица, имели право публиковать научные произведения не от имени университета, а частным порядком, минуя обсуждение совета факультета или университета. В этом случае рукопись (или повторно издаваемая книга) подлежала рассмотрению общегражданской цензуры в строго установленном процессуальном порядке (раздел IV «О порядке производства для внутренней цензуры», § 34–54). Подлежащий цензурированию труд передавался конкретному цензору. Устав устанавливал определенные сроки для рассмотрения сочинений и статей для периодической печати, ответственность цензора за пропуск или, напротив,

необоснованный отказ к печати. Мнение цензора заслушивалось на заседании цензурного комитета. В случае сомнений цензора решение о судьбе рукописи выносилось цензурным комитетом коллегиально либо передавалось на рассмотрение попечителю учебного округа или министру народного просвещения, возглавлявшему Главное управление цензуры (§ 44). Директор типографии мог приступить к набору тиража как только ему был передан экземпляр рукописи (книги) с отметкой об одобрении цензором на обороте титульного листа (§ 41). Типография обязывалась напечатать сверх тиража два экземпляра сочинения, один из которых передавался цензору на сличение с корректурой. Билет на разрешение выпуска тиража в продажу выписывался цензором директору типографии и прикреплялся к одному из двух экземпляров, переданных в цензурный комитет только после того, как цензор окончательно убеждался, что отпечатанный тираж соответствует откорректированному варианту рукописи (книги) (§ 42).

Уставу 1828 года не удалось уйти от практики назначения в цензоры представителей ученого сословия, регламентированной уставом о цензуре 1804 года. По представлению попечителя министром народного просвещения в цензоры назначались ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты университетов (§ 27). Вместе с тем в цензурные комитеты назначались так называемые отдельные цензоры из числа наиболее авторитетных директоров учебных заведений округа, а также так называемые «сторонние» цензоры – «не имеющие никакой другой должности» (§ 28). Таким образом, представители ученого сословия были задействованы в цензуре и могли отстаивать как корпоративные, так и научные интересы в цензурном комитете. Цензор из числа директоров мог давать оценку учебным пособиям и литературе для подрастающего поколения. «Сторонние цензоры» – должности, которые были учреждены только в Санкт-Петербургском и Московском цензурных комитетах для отставных чиновников. Министр народного просвещения А.С. Шишков в ответ на представление попечителя Московского учебного округа А.А. Писарева сообщал: «мне желательно, чтобы в сие звание поступали люди, приобретшие некоторое право на уважение не только литературными трудами, но и прежнею своею службою. При сих обстоятельствах я полагаю не определять в цензоры ни кого из чиновников ниже 9 класса [то есть не ниже чина титулярного советника по гражданской службе. – Р.Г., К.И.]]» [24, л. 15].

19 июля 1850 года был принят новый штат цензурного управления [25]. Цензор по-прежнему находился в штате Министерства народного просвещения. Он должен был обладать довольно высоким образовательным цензом, но прежняя связь университетской корпорации и состава цензурных комитетов была разорвана: совмещение должностей профессора и цензора было запрещено [26, с. 14]. Ученое сословие, привлекаемое в качестве экспертов, устранялось от цензурной деятельности, уступив место образованным, толерантным от научных пристрастий чиновникам.

Привилегию университетов осуществлять экспертизу издаваемой научной продукции фиксировал и Общий университетский устав 1835 года. Он предписывал факультетам цензурировать научные сочинения и переводы, издаваемые профессорами и адъюнктами (п. 20). Уставом отдельно оговаривалось право университетов иметь «собственную цензуру для тезисов, рассуждений и иных ученого содержания сочинений, ими или их профессорами издаваемых. Цензура сия руководствуется правилами общего цензурного устава» [22, с. 851] (п. 120). На практике диссертации экспертировались на нескольких уровнях. Научные рассуждения соискателей ученых степеней в обязательном порядке читались всеми членами отделения (факультета), а затем обсуждались на специальном заседании. В случае одобрения диссертации она рекомендовалась к публичной защите и ее рукопись отправлялась в совет университета. После рассмотрения текста на заседании совета на титульном листе работы появлялась рекомендация к публикации: «Печатать, по определению Императорского <...> университета» с указанием даты определения и имени секретаря университетского совета. Эта формулировка давала одно очень важное преимущество: свободу от общегражданской цензуры, поскольку рукопись проходила типографский набор на основании официального разрешения полномочного органа самоуправления университета, билет (разрешение) цензурного комитета на реализацию тиража в данном случае не требовался. При издании рукописи эта резолюция печаталась на обороте титульного листа диссертации. Отпечатанный текст представлялся в совет, который с разрешения главы учебного округа назначал дату диспута. После защиты диссертация отправлялась попечителю вместе с необходимыми для представления министру документами (протоколами заседаний факультета, на которых проводились экзамены на степень, и тезисами диссертации).

Тут следует заметить, что в течение первой половины XIX века изменился научный статус диссертации: она превратилась из заключительного этапа письменного экзамена в самостоятельное научное сочинение. Магистрант писал ее после успешно сданных экзаменов. Соискатель степени доктора наук должен был предоставить текст на «предварительный искус», то есть обсуждение декана и двух профессоров. Утверждение самоценности диссертации отразилось на ее внешнем виде. Если в начале столетия это были короткие рукописные тексты на синей бумаге размером в четвертушку, то уже к середине 1830-х диссертации представляли собой отпечатанные или, по крайней мере, начисто переписанные объемные трактаты [27].

При этом законодатель, подразумевая гипотетическую возможность публикации диссертаций, не нормировал этот процесс и не объявлял это непременно условием защиты. Положение о производстве в ученые степени от 20 января 1819 года и Положение об испытаниях на ученые степени от 28 апреля 1837 года предоставляли соискателю право написать и защитить диссертацию, ничего не говоря об ее издании [28–29], а Положение о производстве в ученые степени от 6 апреля 1844 года давало соискателю право решать, публиковать диссертацию или нет [30, с. 247]. Вследствие этого издание диссертации после предварительного рассмотрения и одобрения ее советами факультета (отделения) и университета осуществлялось, за редким исключением, по желанию соискателей и за их счет. На публичные защиты соискатели представляли несколько экземпляров или начисто переписанных, или отпечатанных тезисов и диссертаций. В источниках есть упоминание о посылке диссертаций не только в министерство, но и о практике рассылки их, в случае успешного диспута и присуждения соискателю ученой степени, в «ученые заведения, с которыми университет находится во взаимных сношениях» [31, л. 1].

Архивные документы позволяют зафиксировать бурные дебаты в университетских советах Москвы и Казани, касающиеся необходимости издания диссертационных сочинений. К 1840-м годам, по крайней мере в Московском университете, появилась практика обязательного издания диссертаций. И для того чтобы добиться исключения из этого правила, соискателю требовалось разрешение совета университета. Так, в апреле 1841 года профессора второго отделения философского факультета Московского университета предложили освободить соискателя Иосифа Сомова, защищавшего магистерскую диссертацию об интегралах алгебраических иррациональных дифференциалов, от из-

дания. «Поелику же, – объясняли они свое решение отойти от общего правила, – печатание оно по примеру прежних лет вовлекло бы автора не только в продолжительный труд, необходимый для надзора за корректурой весьма многосложных формул, входящих в оное, но и в значительные издержки, вообще худо вознаграждаемые продажей подобных сочинений, имеющих цену для весьма тесного круга читателей, то отделение имеет честь ходатайствовать пред советом о дозволении кандидату Сомову защищать свое рассуждение в рукописи, по одним печатным положениям» [32, л. 1].

Инициатива не была поддержана советом университета. Попечитель одобрил мнение тех членов совета, кто опасался, что такое решение породит прецедент, а между тем результаты исследований должны быть апробированы. «Публичное защищение диссертаций, – утверждал ректор Московского университета, – назначается преимущественно для посторонних посетителей, которые не могут судить о достоинстве их по одним тезисам и делают свои возражения. <...> Если же допустить защищение диссертаций по одним тезисам, то, во-первых, это не могло удовлетворить условиям диспута; во-вторых, скроет от общества все труды молодых людей, получивших ученые степени, и также может произвести сомнение о достоинстве таковых диссертаций в лицах, не имеющих возможности читать и оценить оные» [32, л. 3 об. – 4]. Магистру-математику дали позволение частями выплатить необходимые для издания диссертации средства.

В отличие от Москвы в Казани тексты диссертаций не печатали. Местные профессора считали, что для минимизации расходов и практической пользы достаточно издать тезисы. Видимо, такая практика утвердилась в 1830-е годы, о чем свидетельствует представление профессоров первого отделения философского факультета от 22 января 1842 года. Они предлагали «возобновить обычай печатать диссертации ищущих степени магистра или доктора для раздачи их посетителям при публичном защищении» [31, л. 1]. Казанские словесники утверждали: «Не обнародовать диссертаций значило бы показать страх суда публики и желанья скрыть свои недостатки. <...> Молодым ученым, которых работы были бы печатаемы, открылся бы способ вступать достойным образом под покровительство одобрительных мнений факультета в мир литературы и не страшиться воплей критики» [31, л. 1 об.].

Профессора аргументировали свое мнение цифрами, подсчитав средний листаж диссертации и стоимость публикации. «Нет сомнения, –

сообщали они, – что большую ученость и много ума можно показать на шестнадцати письменных листах: посему объем этот прием за такой, который весьма достаточен для того, чтоб сочинитель, домогающийся ученой степени, мог показать требуемую сумму познаний» [31, л. 2]. Публикация диссертации такого объема в Казани, по подсчетам профессоров, должна была обойтись в сумму от 80 до 100 рублей.

Авторы обращения считали, что эта сумма вполне доступна соискателям [31, л. 2]. Однако члены университетского совета не поддержали предложения коллег. В определении сказано, что издание полного текста требовать нельзя, но можно сообщать соискателям, что это весьма желательно для защиты [31, л. 3].

Несмотря на то что предпочтением пользовалась типография университета, соискатели печатали диссертации и в других местах. Так, в Москве пользовались услугами типографии Н.С. Степанова [33–34], в Санкт-Петербурге – А.Ф. Смирдина и Л.Ф. Снегирева [35–36]. Возможно, на выбор влиял объем сочинения или требуемая скорость печати.

Дело Константина Аксакова

Вновь назначенный после отставки С.С. Уварова министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов обратил свое внимание на университетские диссертации. 13 декабря 1850 года попечителям учебных округов было разослано его циркулярное предложение, в котором, в частности, говорилось: «по случаю высочайших замечаний на некоторые из печатных диссертаций, написанных для приобретения ученых степеней, прошу покорнейше сделать распоряжение, чтобы не только самые диссертации были благонамеренного содержания, но чтоб и извлеченные из них тезисы или предложения... имели, при таком же направлении, надлежащую полноту, определенность и ясность, не допускающие возможности понимать разным образом одно и то же предложение». И далее: «при рассмотрении диссертаций и при наблюдении за защищением не допускать в смысле одобрительном обсуждения начал, противных нашему государственному устройству» [37].

Следует отметить, что Ширинский-Шихматов был «долгожителем» Министерства народного просвещения, успешно строившим карьеру в нем с 1824 года. Тогда он был назначен директором министерской канцелярии, в 1833 году стал директором департамента, а в 1842 году – товарищем министра. После отставки С.С. Уварова в 1849 году Ширинский-

Шихматов занял кресло министра. Долгая служба в министерстве позволяла ему делать отсылки и обобщать имевшие место случаи недовольства власти одобренными университетами к печати и защите диссертациями. Впрочем, говоря о «высочайших замечаниях» на изданные диссертации, министр имел в виду вполне конкретный пример, который встряхнул во второй половине 1840-х министерских чиновников и, видимо, заставил петербургских профессоров задуматься о передаче цензурных полномочий министерству. Речь идет об издании в 1846 году кандидатом Московского университета К.С. Аксаковым сначала статьи «Семисотлетие Москвы», а потом диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».

Константин Сергеевич Аксаков – сын известного русского литератора С.Т. Аксакова, выпускник словесного отделения Московского университета. В 1840 году К.С. Аксаков, в соответствии с действующим в то время порядком присуждения степени магистра, успешно выдержал устные и письменные экзамены и стал готовить диссертацию на утвержденную отделением тему: «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» [38, л. 172–173]. Написание самого текста диссертационного сочинения заняло пять лет. В это время ему становятся близки идеи славянофилов, он близко общался с А.С. Хомяковым, посещал салоны Васильчиковых, Елагиных, Сеньявиных, Свербеевых, Ховриных [39, с. 10]. В конце 1845 года К.С. Аксаков представил рукопись диссертации, состоявшей из трех частей и приложений, а также положений, выдвинутых на обсуждение профессоров. 12 декабря 1845 года [40] совет университета разрешил рукопись опубликовать. Аксаков остановил свой выбор на популярной в университете типографии Николая Степанова. Учитывая большой объем диссертации (524 страницы), процесс ее набора и тиражирования мог занять 4–5 месяцев.

1846 год был ознаменован юбилеем Москвы. Представители общественности считали своим долгом поздравить древнюю столицу и москвичей с круглой датой. В их числе оказался и К.С. Аксаков, известный своими смелыми заметками, которые предпочитал публиковать в московских газетах и журналах с 1842 года. К юбилею он подготовил статью «К семисотлетию Москвы». Она была опубликована 23 апреля 1846 года в газете «Московские ведомости», редактором которой был Е.Ф. Корш. Автор скрыл свое имя под псевдонимом «А.–» [41]. В статье автор сравнивал историческую роль двух столиц России – Москвы и Санкт-Петербурга,

отдавая явное предпочтение в пользу первой. Текст Аксакова обратил на себя негативное внимание министра внутренних дел Л.А. Перовского, который не преминул обратиться за разъяснениями к министру народного просвещения и по совместительству председателю Главного управления цензуры С.С. Уварову. В то время опубликование статьи, содержащей критические суждения в адрес Санкт-Петербурга, официальной резиденции российских императоров, расценивалось как серьезное нарушение со стороны общегражданской цензуры. Поэтому издание этой статьи прокатилось волной выговоров по всей иерархии цензурного ведомства. С.С. Уваров с претензией требовал отчета у ответственного за общегражданскую цензуру попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова и его помощника Д.П. Голохвастова. Те, в свою очередь, выразили недовольство работой рядовых членов Московского цензурного комитета и конкретно цензором, пропустившим номер «Московских ведомостей» к печати. После шума, произведенного статьей Аксакова, Строганов распорядился, чтобы Московский цензурный комитет не пропускал ни одной статьи этого автора без его собственной санкции или разрешения его помощника.

Тем временем диссертация Аксакова была напечатана и представлена в совет университета. Встал вопрос о распространении диссертации и назначении даты диспута. В то же время профессора словесного отделения Московского университета не могли не знать о развивающемся в это время скандале вокруг статьи Аксакова и контроле попечителя за всеми его текстами.

Ситуация развивалась стремительно. Аксаков озаботился распространением одобренного университетом тиража его диссертации, и 2 января 1847 года «Московские ведомости» поместили объявление о продаже диссертации Аксакова в магазинах Ольхина и Базунова [39, с. 12–13]. В то же время профессора совета отправили экземпляр выходящей на защиту диссертации попечителю Строганову. То есть избежать «всевидящего ока» главного цензора Москвы Аксакову не удалось. Строганов, прочитав свежий оттиск, был взбешен. 3 января 1847 года, рассерженный также и объявлениями о продаже диссертации Аксакова, он поспешил дать указание Московскому цензурному комитету: «не допускать разбора диссертации Аксакова под заглавием “Ломоносов в истории русской литературы и русского языка” ни в одном из современных изданий... в коей найдены многие мысли и выражения, неприличные сочинению назначенному для публичного диспута» [42, л. 3]. В тот же день он составил донесение на имя

С.С. Уварова, в котором указывал на содержащиеся в диссертации несправедливые суждения о реформах Петра I. Также, пользуясь властью, данной ему как главе цензурного ведомства в Московском учебном округе, Строганов приостановил продажу тиража. Механизм цензурного преследования был запущен.

В качестве уже не главного цензора, а попечителя учебного округа Строганов отдал распоряжение декану I отделения философского факультета ординарному профессору С.П. Шевыреву написать объяснения, на каком основании диссертация Аксакова была допущена к печати, и возложил на него обязанность составить новую рецензию с указанием мест опубликованной рукописи, требующих изменений. На этом попечитель не остановился. Корректур диссертации проходила под его личным наблюдением: весь январь и февраль соискатель терпеливо вносил изменения, сообразуя их с мнением Строганова [39, с. 15]. Утешением служило то, что Строганов и министерство не воспользовались другими, более радикальными мерами наказания автора: книга не была запрещена или сожжена (как в случае с диссертацией Н.Н. Костомарова [43, с. III]); тираж, после внесенных изменений, был выставлен на продажу; Аксакову позволили 6 марта 1847 года в ходе публичного диспута обсудить результаты магистерской диссертации. Совет университета присудил соискателю искомую степень магистра российской словесности, а министр народного просвещения утвердил Аксакова в степени по ходатайству попечителя.

Несмотря на благополучный исход дела для К.С. Аксакова, его случай послужил сигналом об имеющихся сбоях, с точки зрения министерских чиновников, в механизме подготовки диссертационных сочинений, их рецензировании и цензуре, соответственно о недостаточности контроля над выпускниками университета. Министерство было вынуждено признать, что представители ученого сословия в силу существовавших между ними и их воспитанниками корпоративных интересов, связей не могут выступать в качестве взыскательных цензоров – стражей политических и государственных интересов. Со своей стороны профессора усматривали в цензуре диссертационных сочинений больше абсурда, чем целесообразности; еще одно бремя, которое при ненадлежащем или неосторожном выполнении могло обернуться судебным преследованием. В 1849 году обсуждение в министерских и академических кулуарах вопроса о введении министерской цензуры диссертаций встретил среди профессоров ско-

рее одобрение, чем ропот, избавление от лишних хлопот, от несвойственного и неприятного для профессуры занятия. Тем не менее министерство, решившись на введение цензуры диссертаций, изначально не ставило перед собой цель потакать желаниям профессоров.

Цензура диссертаций

9 ноября 1850 года, за месяц до циркуляра попечителям о необходимости следить за благонадежностью диссертаций, министр народного просвещения Ширинский-Шихматов специальным определением приказал чиновнику особых поручений по делам Варшавского учебного округа В.П. Лангеру «рассматривание в цензурном отношении поступающих в Министерство диссертаций на ученые степени, из университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского и Св. Владимира» [44, л. 4; 45, л. 1]. 14 ноября директор Департамента народного просвещения П.И. Гаевский выслал Лангеру специальное «краткое наставление» – «Правила для наблюдения за духом и направлением диссертаций», которыми следовало руководствоваться при рассмотрении сочинений на ученые степени. Целью этой инициативы было «предохранение читающей публики от разрушительных идей, которые покушаются врываться в литературу» [44, л. 5]. Никаких санкций против авторов (например, лишения их ученых степеней) не предусматривалось. Лангеру предстояло рассмотреть все диссертации с начала текущего учебного года, а также и текущие [44, л. 4 об.].

При цензуре диссертаций необходимо было руководствоваться цензурным уставом и «наблюдать» соответствие цензурируемого сочинения трем «началам»: «вере, правительству, добрым нравам и личной чести всех и каждого». Первое подразумевало «всякое покушение поколебать вечные и спасительные истины Христианства вообще и в особенности учение Православной Церкви» [44, л. 5 об.]. «В рассуждении Правительства, – говорилось в инструкции, – следует замечать всякое неосторожное прикосновение к началам государственного быта; все, что может ослабить уважение к законным властям... все, что стремится к разрушению... отношений между разными состояниями или к унижению достоинства и пользы какого бы то ни было сословия в государстве. [44, л. 5 об. – 6]. На основании рассмотрения диссертаций предполагалось «непогрешительно судить во всякое время об общем направлении в духе заведений» [44, л. 6].

Лангер цензурировал диссертации, написанные на латинском и русском языках. Диссертации, написанные в Дерптском университете на немецком языке, проверял член Главного правления училищ Э.Б. Адеркас [45, л. 2, 4–5]. 22 февраля министр запросил у Лангера отчет о проделанной им работе. «Отчет о диссертациях, поступивших ко мне на рассмотрение с 22 ноября 1850 года по 22 февраля 1851 года» был отправлен Гаевскому 26 февраля [44, л. 10–14] и представлял собой оформленные в таблицу сведения о числе поступивших диссертаций и об их заглавии, данные о входящем делопроизводственном номере диссертации и о датах получения и возвращения в Департамент народного просвещения, а также «мнение о диссертации». Лангер доносил, что из одиннадцати поступивших диссертаций восемь рассмотрено, а три «находятся на рассмотрении»; семь из восьми диссертаций «не заключают в себе ничего противного Общим правилам Цензурного устава», одна (студента Дерптского университета Авг. Билленштейна) – «подлежит, на основании 23 статьи Цензур[ного] устава, предварительному рассмотрению цензуры духовной» [44, л. 10–14].

Анализ отчетов министерских цензоров о диссертациях показал, что в первый же год работы министерских чиновников стали складываться две практики экспертизы диссертаций. Первая сводилась к цензурированию: выявлению несоответствий общим правилам Цензурного устава. Странником такой практики был Лангер. К 24 ноября 1851 года Лангеру на рассмотрение было отправлено 28 диссертаций, «из коих 24 получено от него обратно», и в них цензором не было замечено ничего «противного цензурным постановлениям», и одна с замечанием о необходимости духовной цензуры, три – находились на рассмотрении [44, л. 15].

Вторая практика соединяла в себе цензуру и элементы научной экспертизы. Коллега Лангера Н.В. Родзянко в конце декабря 1851 года направлял в Департамент донесения о рассмотренных им диссертациях с подробным пересказом содержания, замечаниями «в цензурном отношении» и предложением исключить отдельные места, влияющие на «благонамеренность» [45, л. 25–26 об.].

К весне 1852 года практика Лангера перестала устраивать министерство. «Простое донесение, что книга не заключает в себе ничего предосудительного, – объяснял Гаевский 19 мая 1852 года, – не может почитаться удовлетворительным, потому что, с одной стороны, Министерство не будет иметь достаточных данных для составления ясного понятия о содержании рас-

смотренного сочинения или перевода, а с другой стороны, и выписки или указание сомнительных мест не принесет всей ожидаемой от того пользы» [44, л. 20–20 об.]. Поэтому министр потребовал, чтобы отныне в донесениях цензора в обязательном порядке присутствовало изложение содержания рассматриваемых диссертаций.

В дальнейшем на каждую диссертацию Лангер, а также и его коллега, чиновник по особым поручениям при Департаменте народного просвещения Палаузов, стали составлять пространные рецензии в 4–7 страниц. Однако и в данных донесениях было больше формализма, чем глубокого критического анализа: они представляли собой пересказ содержания диссертаций, положений диссертации, перечисление использованной литературы. В качестве замечаний указывалось на наличие нескольких стилистических или иных погрешностей [38, л. 381–387; 46, л. 16–17; 47, л. 11–12 об.].

В то же время говорить о полном разрыве между министерской цензурой диссертаций, которая осуществлялась чиновниками особых поручений, и университетской экспертизой не приходится. В деле, посвященном министерской цензуре диссертаций Киевского университета, удалось обнаружить отзыв с карандашной пометой «Этот разбор сделан г[осподином] професс[ором] Никитенко». Предметом рецензирования была докторская диссертация магистра Киевского университета С.С. Гогоцкого «Философия Гегеля, ее достоинства и недостатки». В степени Гогоцкого к тому времени уже утвердили, но диссертацию отправили на рассмотрение Лангеру 16 декабря 1850 года [45, л. 6]. Пока недостаточно ясны причины обращения министерских чиновников к столичному профессору. Возможно, дело было в спорном статусе философии как науки в России и опасение власти в распространении учения Гегеля. Изящество отзыва, подготовленного Никитенко, выдает в нем человека, не понаслышке знакомого с цензурной системой и долгое время бывшего ее участником. «В цензурном отношении затруднение могло бы встретиться в той половине разсуждения, где излагаются собственные мысли Гегеля, – писал Никитенко. – Но творец системы отчасти сам принял уже меры против их популярности. <...> В изложении г[осподина] Гогоцкого она не сделалась уразумительнее, не смотря на то, что оно отличается полнотою, отчетливостию и языком правильным и чистым. Такова уже судьба Гегеля и его формулы, что где бы учение его не являлось в некоторой целости и ученой форме, оно непременно в людях непривычных произведет тоску и головокружение» [45, л. 31]. Таким образом,

профессор русской словесности использовал гипотетическую невозможность случайному читателю расшифровать эзотеричный язык философов для того, чтобы успокоить министра и убедить его в соответствии смысла диссертации цензурному уставу и в том, что этот текст «никого не соблазнит». Далее следует пассаж, характерный, в целом, для университетских рецензий, но отсутствующий в министерских цензорских донесениях. Профессор перечисляет те критерии научности, которым соответствует рецензируемый им текст. Это прежде всего самостоятельность сочинения и критическое отношение к чужому мнению [45, л. 31 об.].

Итак, кредит доверия, выданный ученому сословию цензурным уставом 1828 года и новым университетским уставом 1835 года и выраженный в сохранении академического права на независимую экспертизу научной продукции, был пересмотрен в конце 1840-х годов. Надежды Министерства народного просвещения на то, что профессора в процессе отбора станут применять приемлемый для верховной власти формат представлений о знаниях, литературе, искусстве, не оправдались. Тому имеется ряд объяснений. Одно из них – особенность работы в научной сфере, при осуществлении которой критическое осмысление многообразных по форме и содержанию результатов интеллектуального труда привести в соответствие с едиными требованиями устава представлялось большинству профессоров абсурдным, лишеным смысла занятием. Профессора как участники обсуждения диссертаций и профессора как цензоры, действуя на основании выданных им уставов и предписаний, относились критически не только к вынесенному на их суд интеллектуальному труду, но и к самим инструкциям. Другое объяснение кроется в множественной самоидентификации профессоров. Выполняя экспертную функцию в качестве рецензента диссертации или цензора рукописи, профессору сложно было абстрагироваться от той ролевой нагрузки, которую приходилось нести, выполняя ежедневную рутинную работу преподавателя, исследователя, администратора и т.п. Наконец, после шумных отставок ряда цензоров, профессора сами стали чураться участия в цензурной деятельности, заодно и экспертизы диссертаций, поскольку и над этим интеллектуальным трудом нависло зловещее слово проверки – «цензура».

Новый штат цензурных комитетов окончательно разорвал их связь с ученой корпорацией. «Умствование» профессора должно было уступить исполнительности чиновника. Локальные, кулуарные практики обсуждения диссертаций

на местах – уступить особо доверенному подразделению в самом министерстве. Введя централизованный цензурный контроль за прошедшими защиту диссертациями (как напечатанными, так и рукописными), власть иллюзорно полагала, что ею создан механизм тотального контроля над результатами интеллектуального труда. Насколько эффективным стал этот механизм, показали события ближайших 10 лет и отмена крепостного права в России.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Список литературы

1. Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml (дата обращения: 19.07.2016).
2. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1889.
3. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985.
4. Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991.
5. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года. М.: НИИ ВО, 1995.
6. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998.
7. Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001.
8. Булгакова Л.А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. С. 124–134.
9. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры. СПб.: Союз, 2005.
10. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Т. 4 Формирование системы университетского образования в России. Российские университеты и люди 1840-х годов. Кн. 1–2. М.: Изд-во МГУ, 2003.
11. Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005.
12. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Г., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

13. Энгельгардт А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати 1803–1903. СПб., 1904.
14. Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
15. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература: 1826–1855. СПб., 1908.
16. Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905.
17. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892.
18. Старкова Л.К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000.
19. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX веков. М.: Аспект Пресс, 2001.
20. Ботова О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: Формирование. Состав. Деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
21. Полное собрание законов Российской империи [Собрание Второе] (ПСЗ–2). № 1979.
22. ПСЗ–2. № 8337.
23. ПСЗ–2. № 17806.
24. ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3379.
25. ПСЗ–2. № 24342.
26. Гринченко Н.А. Профессор в цензурном ведомстве России в первой половине XIX в. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 201. 2013. С. 9–19.
27. Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 84–107.
28. Полное собрание законов Российской империи [Собрание Первое] (ПСЗ–1). № 27646.
29. ПСЗ–2. № 10188.
30. ПСЗ–2. № 17806.
31. НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 394.
32. ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 10. Д. 69.
33. Шевырев С.П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов: Соч., писан. на степ. д-ра филос. фак. первого отд. адъюнктом Моск. ун-та Степаном Шевыревым. М.: Тип. Н. Степанова, 1836.
34. Бодянский О.М. О народной поэзии славянских племен: Рассуждение на степ. магистра филос. фак. первого отд., канд. Моск. ун-та, Иосифа Бодянского. М.: Тип. Н. Степанова, 1837.
35. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: Рассуждение, напис. на степ. д-ра философии Николаем Устряловым, С.-Петербург. ун-та по каф. рус. истории экстраорд. проф., Воен. акад. и Гл. пед. ин-та адъюнктом... СПб.: Тип. Л. Снегирева и К°, 1836.
36. Никитенко А.В. О творческой силе в поэзии или о поэтическом гении: Соч. экстраорд. проф. С.-Петербург. ун-та Александра Никитенко. СПб.: Тип. А. Смирдина, И. Глазунова и К°, 1836.
37. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. 1850–1864. СПб., 1867. № 38.
38. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1145.
39. Пирожкова Т.Ф. К.С. Аксаков и его диссертация о М.В. Ломоносове // Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 7–19.
40. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М.: Тип-фия Николая Степанова, 1846.
41. А.– [Аксаков К.С.]. К семисотлетию Москвы // Московские ведомости. 1846. 23 апреля (№ 49).
42. ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 5. Д. 178.
43. Краткий биографический очерк Н.И. Костомарова // Киевская старина. 1885. Т. 12. № 5. С. II–IX.
44. РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 138.
45. РГИА. Ф. 733. Оп. 70. Д. 294.
46. РГИА. Ф. 733. Оп. 37. Д. 148.
47. РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 732.

References

1. Nikitenko A.V. Dnevnik. T. 1. URL: http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml (data obrashcheniya:

2. Suhomlinov M.I. Issledovaniya i stat'i po russkoj literature i prosveshcheniyu. T. 1: Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra I. SPb., 1889.

UNIVERSITY VS THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION: ACADEMIC EXPERTISE AND CENSORSHIP OF DISSERTATIONS IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

R.Kh. Galiullina, K.A. Il'ina

The article describes the interaction between the Ministry of Education and universities in Russia in the evaluation of dissertations during the era of the «censorship terror». The authors analyzed and compared the legislative and clerical documents from the archives of the Ministry of Education, Moscow and Kazan Universities, curators' archives, and the archive of the Moscow Censorship Committee. As a result of the study, the practices of expert examination of university research output at the end of the 1840s and early 1850s were reconstructed and the reasons for the change in censorship policy concerning dissertations at that time were identified.

Keywords: Russia, Ministry of Education, Moscow University, dissertations, censorship, academic expert examination, professor.

19.07.2016).

3. Ehjmontova R.G. Russkie universitety na grani dvuh ehpor: ot Rossii krepostnoj k Rossii kapitalisticheskoy. M.: Nauka, 1985.
4. Mihajlova S.M. Kazanskij universitet v duhovnoj kul'ture narodov vostoka Rossii (XIX vek). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1991.
5. Vysshee obrazovanie v Rossii: Ocherk istorii do 1917 goda. M.: NII VO, 1995.
6. Lyahovich E.S., Revushkin A.S. Universitety v istorii i kul'ture dorevolucionnoj Rossii. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1998.
7. Avrus A.I. Istoriya rossijskih universitetov: Ocherki. M., 2001.
8. Bulgakova L.A. Osobennosti sistemy vysshego obrazovaniya v carstvovanie Nikolaya I // Nikolaevskaya Rossiya: vlast' i obshchestvo: Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 80-letiyu so dnya rozhdeniya I.V. Poroha. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. S. 124–134.
9. Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury. SPb.: Soyuz, 2005.
10. Petrov F.A. Rossijskie universitety v pervoj polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. T. 4 Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. Rossijskie universitety i lyudi 1840-h godov. Kn. 1–2. M.: Izd-vo MGU, 2003.
11. Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoj kul'tury v Kazani. Kazan': Kazan. gos. un-t, 2005.
12. Vishlenkova E.A., Galiullina R.G., Il'ina K.A. Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
13. Ehngel'gardt A. Ocherk istorii russkoj cenzury v svyazi s razvitiem pečhati 1803–1903. SPb., 1904.
14. Lemke M.K. Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya. SPb., 1904.
15. Lemke M.K. Nikolaevskie zhandarmy i literatura: 1826–1855. SPb., 1908.
16. Rozenberg V., Yakushkin V. Russkaya pečhat' i cenzura v proshlom i nastoyashchem. M., 1905.
17. Skabichevskij A.M. Ocherki istorii russkoj cenzury (1700–1863). SPb., 1892.
18. Starkova L.K. Cenzurnaya politika samodержaviya v pervoj polovine XIX veka: Dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2000.
19. Zhirkov G.V. Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vekov. M.: Aspekt Press, 2001.
20. Botova O.O. Moskovskij cenzurnyj komitet vo vtoroj chetverti devyatnadcatoj veka: Formirovanie. Sostav. Deyatel'nost': Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003.
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Sobranie Vtoroe] (PSZ–2). № 1979.
22. PSZ–2. № 8337.
23. PSZ–2. № 17806.
24. CGAM. F. 459. Op. 1. D. 3379.
25. PSZ–2. № 24342.
26. Grinchenko N.A. Professor v cenzurnom vedomstve Rossii v pervoj polovine XIX v. // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. T. 201. 2013. S. 9–19.
27. Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. Ob uchenyh stepenyah i o tom, kak dissertaciya v Rossii obretala nauchnyu i prakticheskuyu znachimost' // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 4. S. 84–107.
28. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Sobranie Pervoe] (PSZ–1). № 27646.
29. PSZ–2. № 10188.
30. PSZ–2. № 17806.
31. NA RT. F. 977. Op. Istoriko-filologicheskij fakul'tet. D. 394.
32. CGAM. F. 418. Op. 10. D. 69.
33. Shevyrev S.P. Teoriya poehzii v istoricheskom razvitiu u drevnih i novyh narodov: Soch., pisan. na step. d-ra filos. fak. pervogo otd. ad"yunktom Mosk. un-ta Stepanom Shevyrevym. M.: Tip. N. Stepanova, 1836.
34. Bodyanskij O.M. O narodnoj poehzii slavyanskikh plemen: Rassuzhdenie na step. magistra filos. fak. pervogo otd., kand. Mosk. un-ta, Iosifa Bodyanskogo. M.: Tip. N. Stepanova, 1837.
35. Ustryalov N.G. O sisteme pragmaticheskoy russkoj istorii: Rassuzhdenie, napis. na step. d-ra filosofii Nikolaem Ustryalovym, S.-Peterb. un-ta po kaf. rus. istorii ehkstraord. prof., Voen. akad. i Gl. ped. in-ta ad"yunktom... SPb.: Tip. L. Snegireva i K°, 1836.
36. Nikitenko A.V. O tvoryashchej sile v poehzii ili o poehticheskom genie: Soch. ehkstraord. prof. S.-Peterb. un-ta Aleksandra Nikitenko. SPb.: Tip. A. Smirdina, I. Glazunova i K°, 1836.
37. Sbornik rasporyazhenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 3. 1850–1864. SPb., 1867. № 38.
38. RGIA. F. 733. Op. 95. D. 1145.
39. Pirozhkova T.F. K.S. Aksakov i ego dissertaciya o M.V. Lomonosove // Aksakov K.S. Lomonosov v istorii russkoj literatury i russkogo yazyka. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2011. S. 7–19.
40. Aksakov K.S. Lomonosov v istorii russkoj literatury i russkogo yazyka: Rassuzhdenie kandidata Moskovskogo universiteta Konstantina Aksakova, pisannoe na stepen' magistra filosofskogo fakul'teta pervogo otdeleniya. M.: Tip-fiya Nikolaya Stepanova, 1846.
41. A.– [Aksakov K.S.]. K semisotletiyu Moskvyy // Moskovskie vedomosti. 1846. 23 aprelya (№ 49).
42. CGAM. F. 31. Op. 5. D. 178.
43. Kratkij biograficheskij ocherk N.I. Kostomarova // Kievskaya starina. 1885. T. 12. № 5. S. II–IX.
44. RGIA. F. 733. Op. 90. D. 138.
45. RGIA. F. 733. Op. 70. D. 294.
46. RGIA. F. 733. Op. 37. D. 148.
47. RGIA. F. 733. Op. 50. D. 732.